

ОБ ОДНОЙ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЛЕКСЕМ-РЕАЛИЙ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Ф.О. Абаева

*Статья посвящена исследованию лексемы-реалии, национальной деревянной колыбели на полозьях – **авдæн**, входящей в общий фонд отраслевой лексики осетинского языка.*

*Проводится лексико-семантический анализ ряда слов, связанных с понятием **авдæн**; выявляются основные способы словообразования и терминообразования; устанавливаются особенности паремиологических единиц, в которых встречается реалия **авдæн**.*

*Автор пытался показать, что распределение таких устойчивых выражений по семантическим характеристикам способствует более точному определению самой реалии в контексте исследуемого материала; выяснить, может ли реалия **авдæн** выступать в качестве предмета-локуса.*

*Выявлено, что слово-реалия **авдæн** наделяется одновременно предметно-бытовыми и пространственными признаками, и это находит яркое подтверждение в лексике. Наличие данной реалии и особенности её функционирования в осетинском эпическом тексте, по мнению автора, важно учитывать при лексико-семантическом анализе парадигмы слов, с ней связанной. Исследование безэквивалентной лексики актуально, поскольку реалии представляют собой особый языковой пласт, где отсутствуют устоявшиеся эквиваленты в других языках. Слово-реалия обладает национально-специфическими особенностями, является их носителями. Изучение терминологического ряда, связанного с лексической реалией **авдæн**, в таком случае представляется нам актуальным.*

Сбор, классификация и лексико-семантический анализ словарного пласта, связанного с материальной культурой народа, входит в приоритетные задачи осетинского языкознания. Результаты исследования могут найти применение как в практике преподавания осетинского языка в школе и в вузе, так и при чтении лекций по исторической лексикологии и диалектологии, этнографии и культурологии. Работа может быть использована в этимологических исследованиях по осетинскому языку.

Ключевые слова: осетинский язык, отраслевая лексика, лексика традиционного хозяйствования, слово, реалия, семантика.

Состав ряда слов и словосочетаний, образующих систему терминов, касающихся традиционной осетинской деревянной колыбели-качалки **авдæн**, рассматриваемой нами как один из значимых компонентов традиционного уклада и быта осетин, довольно разнообразен и заслуживает,

на наш взгляд, специального исследования в рамках изучения отраслевой лексики осетинского языка.

Лексико-семантический ряд, относящийся к названиям основных частей *авдæн*, к обозначениям постельных принадлежностей и других компонентов, определен методом сплошной выборки из различных словарей осетинского языка [1, 2, 3, 4, 5], этнографической литературы [6, 7] и из полевого материала автора.

Парадигма слов осетинского языка, составившая лексико-семантическую группу «*наименования частей деревянной колыбели*», включает термины, называющие функциональные компоненты собственно детской колыбели, постельных принадлежностей и др. Ниже приводятся примеры (табл. 1), где, помимо перевода, дается их описательная характеристика, поскольку этого требует безэквивалентная лексика.

Таблица №1

осетинский язык	русский язык	разъяснение
<i>авдæн</i>	колыбель	люлька-качалка на полозьях и с верхней круглой перекладиной для переноски колыбели и укачивания ребенка
<i>хъæдын авдæн</i>	колыбель	деревянная люлька-качалка на полозьях
<i>зырнавдæн</i> <i>зырнæйзылдавдæн</i>	точеная люлька	деревянная колыбель, которую вытачивали на осетинском токарном станке
<i>хъулджын авдæн</i>	резная люлька	люлька, украшенная резьбой по дереву
<i>къуымбил авдæн-бæттæн</i>	шерстяной свивальник	широкий элемент убранства колыбели в виде тесьмы, которым фиксировали младенца в колыбели
<i>авдæны хуыссæн-гарз</i>	простыня	верхняя простынка, которой покрывали матрасник
<i>авдæнхъæд</i> <i>авдæны хъæд</i>	ручка люльки	верхняя продольная полка люльки круглой формы
<i>авдæны сæрхъæд</i>	ручка люльки	верхняя круглая ручка колыбели, вокруг которой перетягивали тесьму от свивальников
<i>авдæны гобан</i>	люлечный матрас	матрас размером с основания деревянной колыбели
<i>ноггуырды къуымбил хъæциул</i>	букв. шерстяное одеяло младенца	одеяльце по размерам колыбели, которое готовилось вместе с остальным убранством люльки матерью невесты
<i>сыппа</i>	сыппа	мочеотводная трубка из кости (как правило, из бедренной кости барана)

<i>сымпыр</i>	сымпыр	сосуд, который устанавливали под деревянной колыбелью у круглого отверстия для стока мочи и кала ребенка
<i>лэппуйы сыппа</i>	сыппа мальчика	мужская мочеотводная трубка из кости
<i>чызджы сыппа</i>	сыппа девочки	женская мочеотводная трубка из кости
<i>сыппайы дурын ми-ггенгэн</i>	глиняный сосуд для отвода в него сыппа	глиняная банка, в которую отводилась трубка для мочи (сыппа)
<i>сывæдæг</i>	соска	соска, изготавливаемая из рога коровы и мягкой кожи животного на конце, для кормления ребенка; подвешивали к верхней круглой перекладине колыбели
<i>авдæны къæлæттæ</i>	дуги люльки	две деревянные дуги, расположенные в изголовье и в изножье люльки, образовывали собой ее спинки
<i>авдæнæмбæрзæн</i>	тонкое покрывало для люльки	покрывало, которым накрывали люльку, когда вынимали из нее младенца
<i>гæбына</i>	габына	тюфяк с круглым отверстием в нем, подкладываемый на дно люльки; изначально он набивался прослойкой из высушенной травы
<i>сæрркаг гæбына</i>	верхний габына	верхний матрас люльки
<i>кæройнаг гæбына</i>	нижний габына	нижний матрас люльки
<i>авдæны баз</i>	колыбельная подушка	средняя подушка, укладываемая в область живота младенца
<i>фæтевзæ</i>	фатевза	нижняя обивка матраса, поверх которой надевался также и наматрасник
<i>æддаг цъар</i>	наматрасник	верхняя (внешняя) оболочка матраса
<i>чъылдымбаз</i>	подушка	подушка для спины, которую подкладывали под ношу, в том числе и под люльку, когда переносили ее на спине
<i>авдæнгарзаг</i>	букв. для убранства колыбели	материал, предназначенный для изготовления предметов пеленания
<i>авдæны гарзæгтæ</i>	убранство люльки	предметы для укладывания и пеленания ребенка в люльке
<i>авдæны бæстытæ</i>	свивальники	элемент убранства колыбели в виде широкой тесьмы, которым фиксировали новорожденного младенца в колыбели

<i>авдæны бæттæнтæ</i>	свивальники	элемент убранства колыбели в виде широкой тесьмы, которым фиксировали младенца в люльке
<i>кæхтæбæттæн</i>	перевязь для ног младенца	свивальник, которым фиксировали неподвижность ног новорожденного младенца
<i>кæхтæбæттæн</i>	перевязь для рук младенца	свивальник, которым фиксировали неподвижность рук новорожденного младенца
<i>авдæны алдымбыдтæ</i>	тесьма люльки	тесьмки по краям свивальников, которыми они крепились к верхней ручке колыбели для их прочного и плотного затягивания и фиксирования
<i>авдæны фæрстæ</i>	борта люльки	невысокие борта колыбели, крепленные по ее бокам
<i>авдæны хултæ</i>	кольца колыбели	балясины, украшающие колыбель
<i>авдæны кæцæлтæ</i>	букв.палки колыбели	деревянные палочки, которые продевались в основания свивальников и закреплялись к наружным основаниям боков колыбели
<i>авдæнхæгды синаг</i>	букв.шнур ручки колыбели	шнур, подвязывавшийся к верхней перекладине колыбели, которым ее раскачивали, находясь на недалеком расстоянии от люльки

Установлено, что значительная доля названий, связанных с деревянной колыбелью в осетинском языке, включает:

1) многокомпонентные образования, в состав которых входит основной формант в рассматриваемой лексико-семантической группе – *авдæн-*, находящийся в форме родительного падежа *авдæн(ы)*, напр., *авдæнхæгд*, *авдæны фæрстæ*, *авдæны бæттæнтæ*, *авдæнгарзаг*;

2) односоставные термины, в которых соблюдаются смысловая точность и отсутствие полисемии: *авдæн*, *сыппыр*, *сывæдæг*, *сыппа*; *гæбына*.

Оформляются в самостоятельную лексико-семантическую группу (табл. 2) также и слова, которые называют тот материал (вид древесины), из которого изготавливалась осетинская деревянная колыбель:

Таблица №2

<i>кæрдо бæласыхæгдæрмаг</i>	древесина грушевого дерева
<i>тæрсхæгд</i>	древесина бука
<i>æнгузхæгд</i>	древесина орехового дерева

Причем, как правило, выбиралась древесина дерева, срубленного в определенное время и заготовленного специально для точения колыбели. В данном случае значение имела вера осетин в те или иные качества дерева, которыми, как предполагалось, оно обладало. Предпочтение отдавали древесине грушевого дерева не только по причине, что она отличалась прочностью и устойчивостью, скорее в связи с тем, что грушевое дерево обладало плодоносящими свойствами и символизировало обилие потомства, а ореховое – являлось символом рода. Качественные показатели древесины (уровни плотности, гибкости, стойкости, твердости) в данном случае, на наш взгляд, были все же второстепенны.

В самостоятельную лексико-семантическую группу (табл. 3) выделились также наименования оберегов, которые клались в колыбель для защиты новорожденного от сглаза, порчи и т.д., или амулетов, которые должны были наделять его определенными положительными качествами:

Таблица №3

<i>цыргъаг</i>	букв.с острием; любой металлический предмет, имеющий острие
<i>æфсæн кард</i>	железный нож (клали в колыбель мальчика);
<i>хæсгард</i>	ножницы (в колыбель новорожденной девочки)
<i>æфсæйнаг</i>	кусок железа (под тюфяк подкладывали)
<i>æфсæн арх</i>	железный гвоздь (сучок)
<i>фатыæрттигътæ</i>	наконечники стрел

Слово-реалия *авдæн* имело также отношение к обозначению и самого локуса, где новорожденный младенец находился большую часть времени как в месте, наиболее безопасном в пределах традиционного осетинского жилища; означало также и основное средство, с помощью которого ребенок начинал осваивать окружающий мир.

Исследуемая реалия выполняла очень важную функцию – вводила ребенка в пространство культуры того народа, к которому он принадлежал. Тема изыскания потребовала обращения к этнографическим особенностям предмета, а выявленное нами легло в основу определения лингво-семантических особенностей лексемы-реалии *авдæн*, маркирующего первый инициационный жизненный период.

Для того, чтобы более четко сформировать лексико-семантические характеристики лексемы *авдæн*, мы обратили внимание на ее внешние и функциональные особенности, зафиксированные в этнографической литературе.

Так, *авдæн* – это «деревянная с перилами кроватка на поперечных полозьях в виде новолуния, на которых ее и покачивают с боку на бок. Посреди нижней части кроватки имеется отверстие для костяной трубки,

идущей сквозь постель. Это приспособление дает возможность ребенку мочиться, не подвергаясь частым пеленаниям» [8, 291]; имеет форму «узкого продолговатого ящика, не очень грубого, с двумя полукруглыми ножками в виде полозьев, на которых ее качают из стороны в сторону. С двух сторон ящика, наравне с ножками, возвышаются две решетки, соединенные между собой перекладиной, к которой привязываются игрушки ребенка. Внутри люльки укладывается шерстяной тюфячок с дырочкой, в эту дырочку вставляют банку для собирания мочи. Для того, чтобы ребенку мягче было лежать, а также для равновесия тела, на этот тюфячок кладут под туловище, под головой и ногами две мягкие подушки, а сверху их одеяльце – тоже с дырочкой» [8, 573]; или – «ребенка укладывают в колыбель таким образом, чтобы ноги находились над банкой; между ногами вставляют *деревянную или костяную трубочку (сыппа)*, которая проходит в банку, и ребенок не часто мочит свою постель. Уложив таким образом ребенка, связывают ему руки и ноги отдельно двумя *свивальниками (авдэнтэнтэ)*, которые оканчиваются *шнурками (алдымбыдтэ)* и, охватывая вместе с ребенком и колыбель, завязываются на *перекладине (авдэны хээд)* для того, чтобы ребенок не выпал из колыбели во время качания. Причем, «от стягивания свивальниками остаются свободными голова, руки и ноги, отчего эти части тела у нас бывают больше. В первое время голову ребенка крепко связывают платком, отчего почти у всех осетин бывают плоские лбы» [9, 573]; дается описание колыбели как переносного предмета: «... матери-туземки находят эту люльку удобнее всякой другой и, действительно, она для них удобна: отправляясь на работу (здесь имеются в виду сезонные полевые работы – А.Ф.), мать увязывает ребенка в люльку, кладет ее на спину, накинув особую перевязь себе через плечо, и таким образом несет нередко на дальние расстояния. Такие люльки готовятся дома» [10, 260].

Национально-культурную специфику реалии *авдэнтэнтэ*, отражающей особенности отношения к ней осетин, можно пронаблюдать на приведенных устойчивых фразах и выражениях, сохранившихся в осетинском языке.

Собранные устойчивые единицы, объединенные лексемой *авдэнтэнтэ*, классифицируются по значениям, которые они выражают (табл. 4–10).

В осетинских пословицах [11, 12] колыбель часто символизирует прообраз

Фарн'а:

Таблица № 4

<i>Авдэны фарн авдэй фылдэрт у. –</i>	Фарн люльки больше фарна семерых.
<i>Авдэны фарн стыр у. –</i>	Фарн люльки огромен.
<i>Авдэны фарнимэ абарэнт ницэмэнт ис. –</i>	Фарн колыбели уподобить нечему.

Счастья:

Таблица № 5

<i>Авдæн кæм ис, амонд дæр уым агур.</i> –	Там, где люлька, там и счастье ищи.
--	-------------------------------------

Надежды:

Таблица № 6

<i>Авдæн ныфс дæтты.</i> –	Люлька уверенность, надежду дарит.
<i>Авдæны ныфсæй фидæн худы.</i> –	С колыбели будущее улыбается.
<i>Авдæны ныфсæн æмбал нæй.</i> –	Люлька обнадеживает.

Обильного потомства:

Таблица № 7

<i>Авдæн авдæн у.</i> –	Люлька для семерых (детей).
<i>Авдæн афтидæй тæригъæд у.</i> –	Колыбели без ребенка страдают.
<i>Авдæн калак-хъæу схæссы.</i> –	В колыбели поселок вскармливается.
<i>Авдæн лæппутæй фидæуы.</i> –	Люлька-качалка мальчиками красна.
<i>Сывæллонæн – авдæн.</i> –	Ребенку – колыбель.

Избавления от несчастья:

Таблица № 8

<i>Авдæн маст сафæг у.</i> –	Люлька-качалка беды изводит.
------------------------------	------------------------------

Брачных мотивов:

Таблица № 9

<i>Йæ иу уæхскыл – зырнавдæн, Иннаг уæхскыл – цæргæ хъæу (Чындзæхсæвы зарæгæй).</i> –	На одном ее плече – точеная люлька, На другом плече – жилое село (Из свадебной песни).
<i>Ногусджын – авдæнхæссæг.</i> –	Молодожен – колыбель несущий.
<i>Авдæнбæттæн кæм вæййы, уым чындзæхсæв дæр вæййы.</i> –	Там, где бытует обряд укладывания в колыбель, там и свадьбе быть.

Другого:

Таблица № 10

<i>Авдæн узынæн зæрдæ хъæуы.</i> –	Чтобы люльку качать, сердце нужно.
<i>Авдæнæй рахаудта.</i> –	Из люльки выпал.

<i>Авдæнæй чи рахауа, уый йæ сæр дурмæ хæссы. –</i>	Из люльки кто выпадет, тот голову свою о камень ударяет.
<i>Авдæны ныфс лæджы куыстхъом кæны. –</i>	Люлька человека трудолюбивым делает.
<i>Авдæнхъæдыл бахус. –</i>	Задеревенел на ручке люльки.
<i>Авдæнхъæдыл чи бахус уа, уымæн йæ хъæбулы нæуарзгæ нæй. –</i>	Тот, кто на ручке люльки высох, тот не может не любить свое чадо.
<i>Сывæллон авдæны нæрсы. –</i>	Ребенок в колыбели крепнет.
<i>Сывæллонæн авдæн – ахæстон. –</i>	Ребенок в колыбели, словно в неволе.
<i>Бæлæггъы бæттын æз нæ куымдтон, хъулджын авдæн мæнæн нæ уыд. –</i>	В кормушке я не желал быть подвязан, а точеной колыбели у меня не было.

Паремиологический фонд, содержащий в качестве доминанты сему *авдæн*, включает в себе, как выяснилось, некоторые этнокультурные характеристики; например, выявляет, что люлька-качалка выступает символом абсолютного счастья и богатого потомством рода, олицетворяя собой *Фарн*.

Значение традиционной детской точеной колыбели *авдæн* в быту осетин определяется и тем, что это не просто предмет домашнего обихода, а *сакрализовавшийся в процессе обрядово-ритуального комплекса компонент духовной жизни осетин, воплотивший символику продолжения семьи→фамилии→рода→этноса*.

Мы пытались установить и особенности происхождения лексемы *авдæн*. В настоящем, к сожалению, широкое распространение получила народная этимология данного слова, связанная с числом *авдсемь* в грамматической форме дательного падежа *авдæн*, букв.*семерым*. Возможно, такое толкование наименования было соотнесено и с днем, в который, после рождения, первый раз укладывали ребенка в колыбель (седьмой день).

В нартовском эпосе осетин находим трактовку возникновения люльки и того, почему она называется «*авдæн*»: «*Авд æфсымæры ног гуырды номæй ма нæ фæстагæттæн ногжы иу хорздзинад баззайæд. Иу бынаты хъомыл кæнæнт ацы авд гуырды! Æмæ цын иу хуыссæн уæд авдæн дæр! Æмæ амæй фæстæмæ авдæн хуыйнæд!*

Афтæ равзæрди Нарты авдæн.

Уæдæй баззади Ирмæ дæр авдæны ном».

Мифопоэтическое толкование возводится к тому, что слова «*авдæн*

(сущ. люлька) и *авдæн* (числит. для семерых) являются омоформами» [13, 178].

Этимология, установленная В. И. Абаевым для слов *авдæн* и *авдæн-бæттæн*, допускает возможность образования *avdæn* из **a-ud-æn* (как *aftæ* из **a-utæ*), где *ud-* восходит к **vadh-*, **udh-* в значении «привязывать». <...> Такое толкование было бы в полном согласии с реалиями, так как в осетинской колыбели ребенок не лежал свободно, а туго привязывался, причем моменту первого привязывания придавалось такое значение, что он оформлялся как особый обряд *avdænbæddæn* «привязывание к колыбели» [1, 83–84].

В свою очередь, в «Осетинско-русско-немецком словаре» Вс. Ф. Миллера, в словарной статье «авдæн» обращается внимание на сравнение его с глаголом «*рæвдауын*» [3–1, 4].

В.И. Абаевым утверждается, что «*avdæn* 'колыбель' (из *a-udæn*) [14, 56]. И далее: «Вероятно, восходит к иран. **fra-dwāc* закономерным в дальнейшем преобразованием *dwā-* → *vdā* (**fra-dwā-* → *ræ-vdā-*). <...> И.е. **du-*, **dwe-* 'читать', 'ублажать'» [2, 385].

Заметим, что в «Этимологическом словаре иранских языков» в словарной статье **huap-* : *hup-* > **xʷap-* / **hʷap-* : *hup-* 'спать; сон', акцентируется внимание на том, что «в раннем каузативе: язг. *xʷab-* : *xʷabd*, *xabt* 'укачивать люльку с ребенком' ← 'усыплять' (3-е л. ед.ч. наст.вр. *xʷabd/t*, прич. прош. вр. *xʷabda(g)u* инф. *xʷabaj*) с основной наст. вр. из каузатива *xʷapaja* и во вторичном каузативе: язг. *xʷaban-* : *xʷabant* 'укладывать спать (ребенка); усыплять' (3-е л. ед.ч. наст.вр. *xʷabant*, прич. прош. вр. *xʷabantá(g)*, инф. *xʷabantáj*) [15, 465].

Хотелось бы отметить, что часть вопросов, поднятых нами, обнаруживается и в этнографической литературе [16, 17, 18, 19, 20].

Таким образом, проанализировав лексико-семантические и лингвокультурологические характеристики традиционной точеной детской колыбели осетин *авдæн*, мы пришли к следующим выводам.

Авдæн – деревянная люлька-качалка – являлась первым земным локусом человека, защищающим и оберегающим его; детская колыбель надеяла ребенка жизнеспособностью и стойкостью, что отразилось на развитой лексико-семантической группе, связанной с люлькой-качалкой.

Значительная часть терминов, относящихся к осетинской деревянной точеной люльке-качалке, образована с помощью слова *авдæн*, стоящего в форме родительного падежа – *авдæн(ы)*, словообразующего и терминообразующего форманта.

Этимология лексемы *авдæн* возводится к словам *рæвдауын* *утешать*, *успокаивать* и *аудæн* *место заботы, опеки*.

Отношение к данному предмету, нашедшее яркое отражение в паремиологическом фонде осетинского языка, обусловлено высокой сакральностью и глубоким почитанием рассмотренной нами реалии в народе.

1. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I. 655 с.
2. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1973. Т. II. 448 с.
3. *Миллер В. Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. В 3-х т. / Под ред. и с доп. А. А. Фреймана. Л., 1927. Т. I.; 1929. Т. II; 1934. Т. III. 1730 с.
4. Осетинско-русский словарь. 5-ое изд. Владикавказ, 2004. 540 с.
5. Толковый словарь осетинского языка. В 4-х т. / Под общ. ред. Н.Я. Габараева. М., 2007. Т.1. 510 с.
6. *Айларов И.Х.* Осетинский фарн: образ жизни и обряды осетин. Владикавказ, 1996. 522 с. (на осет. яз.).
7. *Каргиев Б. М.* Осетинские обряды и обычаи. Владикавказ, 1991. 161 с. (на осет. яз.).
8. *Арчеков.* Физическое воспитание осетинских детей // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: научно-популярный сборник / Сост., предисл., примеч., коммент. и указ. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. Т. 2. С. 572–573.
9. *Хетагуров К.Л.* Особа. Этнографический очерк // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: научно-популярный сборник / Сост., предисл., примеч., коммент. и указ. Л.А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. Т. 2. С. 275–309.
10. *Маркграф О.В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства // Составлен по материалам, собранным А.В. Золотаревым и др. М., 1882. 332 с.
11. *Гутиев К.Ц.* Осетинские пословицы и поговорки. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 с. (на осет. яз.).
12. *Казиев (Казиты) М.Р.* Осетинский клад. Цхинвал: Цыкура, Владикавказ: Орион, 2013. Кн. 1. 352 с. (на осет. яз.).
13. *Дарчиева М.В.* Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 349 с.
14. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Т. I. 608 с.
15. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. 1. 327 с.
16. *Бесолова Е.Б.* Отражение системы мировоззренческих знаний осетин в языке и его когнитивной структуре // Известия СОИГСИ. 2014. № 14 (53). С. 63-72.
17. *Гутиева Э.Ш.* Осетинская интеллигенция в период пореформенной модернизации: историографические заметки // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2017. № 18. С. 15-21.

18. Дауева Т.Т. Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – начало XX). Владикавказ, 2017. 226 с.

19. Дзлиева Д. М., Аланкуш С. Музыкально-поэтические особенности календарно-обрядового фольклора осетин // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (64). С. 160-172.

20. Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: Традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 71-82.

Fatima O. Abaeva– V.I. Abaev's North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS; fatia-85@mail.ru

ON ONE OF SIGNIFICANT REALIA LEXEME IN THE OSSETIC LANGUAGE

Keywords: *Ossetic, industry vocabulary, vocabulary of traditional management, word, realia, semantics.*

The article is devoted to the study of the realia lexeme avdæn, designating the national wooden cradle on pivots, which is part of the general fund of the industry vocabulary of the Ossetic language. A lexical and semantical analysis of a number of words related to the considered realia lexeme avdæn is carried out; the main ways of word formation and term formation are identified; the features of paremiological units in which the lexeme avdæn is found are established. The author tried to show that the distribution of such stable expressions by semantic characteristics will contribute to a more accurate definition of the reality itself in the context of the material under study; to find out if the realia lexeme avdæn can act as a locus subject. It has been revealed that the word-realial avdæn is simultaneously endowed with both subject-everyday and spatial signs, and this is vividly confirmed in the vocabulary. The presence of this realia lexeme and the features of its functioning in the Ossetic epic text, according to the author, should be considered important when implementing lexical and semantical analysis of the word paradigm associated with it. Study of the non-equivalent vocabulary is relevant, because realia constitute a special language layers in which no substantial equivalents in other languages can be observed. The word-realial contains and transmits national-specific features. The study of the terminological row related to the reality of lexeme avdæn in this case seems to us relevant.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetic language]. Vol. I. Moscow and Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1958.655 p.

2. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetic language]. Vol. II. Leningrad, Nauka (Leningradskoe otdelenie), 1973. 448 p.
3. Miller, V. F. *Osetinsko-russko-nemetckii slovar* [Ossetic-Russian-German Dictionary]. In 3 vol., with A. A. Freiman's edition and adding. Leningrad., 1927. Vol. I.; 1929. Vol. II; 1934. Vol. III. 1730 p.
4. *Osetinsko-russkii slovar* [Ossetic-Russian Dictionary]. The 5th ed. Vladikavkaz, 2004. 540 p.
5. *Tolkovyi slovar osetinskogo iazyka. V 4-kh t.* [Ossetic Definition Dictionary. In 4 vols]. By N.Ia. Gabaraev edition. Vol. 1. Moscow, 2007. 510 p.
6. Ailarov, I.Kh. *Osetinskii farn: obraz zhizni i obriady osetin* [Ossetic Farn. Lifestyle and Rites of Ossetians]. Vladikavkaz, 1996. 522 p. (in Ossetian).
7. Kargiev, B. M. *Osetinskie obriady i obychai* [Ossetic Rites and Traditions]. Vladikavkaz, 1991. 161 p. (in Ossetian).
8. Archekov. *Fizicheskoe vospitanie osetinskikh detei* [Physical Education of Ossetic Children]. *Periodicheskai pechat Kavkaza ob Osetii i osetinakh: nauchno-populiarnyi sbornik* [Periodicals about the Caucasus Ossetia and Ossetians. Popular Scientific Collection]. Content by L.A. Chibirov. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016, vol. 2, pp. 572–573.
9. Khetagurov, K.L. *Osoba. Etnograficheskii ocherk* [Osoba. Ethnographical Sketch]. *Periodicheskai pechat Kavkaza ob Osetii i osetinakh: nauchno-populiarnyi sbornik* [Periodicals about the Caucasus Ossetia and Ossetians. Popular Scientific Collection]. Content by L.A. Chibirov. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016, vol. 2, pp. 275–309.
10. Markgraf, O.V. *Ocherk kustarnykh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva* [Essay on the North Caucasus Handicrafts with a Description of Production Techniques]. Compiled on data collected by A.V. Zolotarev and others. Moscow, 1882. 332 p.
11. Gutiev, K.Tc. *Osetinskie poslovitsy i pogovorki* [Ossetic Proverbs]. Ordzhonikidze, Ir, 1976. 352 p. (in Ossetian).
12. Kaziev, (Kazity) M.R. *Osetinskiy klad. Kn. 1.* [Ossetic Treasure. The 1st Book.] Tckhinval, Tcykura. Vladikavkaz, Orion, 2013. 352 p. (in Ossetian).
13. Darchieva, M.V. *Mifopoeticheskii khronotop v osetinskikh epicheskikh tekstakh* [Mythopoetic Chronotope in Ossetic Epic Texts]. Vladikavkaz, North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies VSC RAS, 2017. 349 p.
14. Abaev, V.I. *Osetinskii iazyk i folklore* [Ossetic Language and Folklore]. Moscow and Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1949, vol. I. 608 p.
15. Rastorgueva, V.S., Edelman D.I. *Etimologicheskii slovar iranskikh iazykov* [Iranian Etymological Dictionary]. Moscow, Publishing Company «Vostochnaia literatura» RAS, 2000, vol. I. 327 p.
16. Besolova, E.B. *Otrazhenie sistemy mirovozzrencheskikh znanii osetin v iazyke i ego kognitivnoi strukture* [Reflection of the System of Worldview

Knowledge of Ossetians in the Language and its Cognitive Structure]. *Izvestiia SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2014, iss.14 (53), pp. 63–72.

17. Gutieva, E.Sh. *Osetinskaia intelligentsiia v period poreformennoi modernizatsii: istoriograficheskie zametki* [Ossetian Intelligentsia During the Post-reform Modernization Period, Historiographic Notes]. *Izvestiia SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies.School for Young Scientists].2017, iss.18, pp. 15–21.

18. Daueva, T.T. *Konflikty i mirotvorcheskie praktiki v osetinskom obshchestve (konets XVIII – nachalo XX)* [Conflicts and Peacekeeping Practices in Ossetic Society (late XVIII – early XX)]. Vladikavkaz, 2017.226 p.

19. Dзлиева, D. M., Alankush, S. *Muzykalno-poeticheskie osobennosti kalendarno-obriadovogo folkloro osetin* [Musical and Poetical Peculiarities of Ossetic Calendrical and Ceremonial Folklore] // *Izvestiia SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2017, iss.25 (64), pp. 160–172.

20. Kanukova, Z.V., Gutieva, E.Sh. *Gorodskoe prostranstvo Severnogo Kavkaza, Traditsionnaia kultura v usloviakh urbanizatsii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Urban Space of the North Caucasus, Traditional Culture in the Conditions of Urbanization (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. *Izvestiia SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2013, iss. 10 (49), pp. 71–82.